

ПРОБЛЕМА ПОДАТНОГО ОБЛОЖЕНИЯ «ИНОРОДЦЕВ» НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКОЙ ПРЕССЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из важных и серьезных вопросов, поставленных сибирской демократической печатью во второй половине XIX – начале XX в., являлся вопрос податного обложения «иностранцев». Необходимость его скорейшего и правильного разрешения была связана с неудовлетворительностью существующей податной системы, которую местная пресса рассматривала в качестве одной из основных причин обеднения коренного населения и накопления у него недоимок.

В первую очередь, она обращала внимание на абсолютную несоразмерность налогообложения «иностранцев» с их действительными доходами. Так, например, автор под псевдонимом Vita, исследуя на страницах «Сибирской жизни» платежеспособность якутов Колымского округа, приходил к выводу, что общая стоимость всех лежащих на них податей и повинностей практически равна их денежному активу¹. Еще менее утешительно выглядели расчеты автора статьи в журнале «Сибирский сборник», подписавшегося Primus, относительно «иностранцев» Верхоянского улуса Верхоянского округа. Он подсчитал, что при совокупном доходе его жителей, исчисляемом на 1895 год в 30 000 руб., их податное обложение в целом составляет около 34 160 руб. (денежные платежи – 6160 руб., натуральные повинности – более 28 тыс. руб.)².

Из этих же вычислений видно, что самой тяжелой формой налогообложения являлись натуральные тяготы. Именно стремлением любыми путями освободиться от их несения вышеупомянутый автор объяснял участвовавшие случаи перехода состоятельных якутов в сословие мещан, купцов и т. п.

Больших размеров достигали расходы по отбыванию подводной и дорожной повинностей, сведения о которых наиболее часто помещались на страницах сибирской печати. Огромная стоимость гоньбы обуславливалась постоянным разгоном лошадей для различных надобностей (общественная служба, сельская почта, движение арестантских партий, провоз золота и т. д.). Например, в 1888 г. по трем округам Иркутской губернии, по сообщению «Восточного обозрения», она составляла в целом около 300 тыс. руб.³.

Еще более обременительной для «иностранцев» была дорожная повинность. По свидетельству корреспондента той же газеты, в частности, бурятам Улейского ведомства, отправляющим каждый год для поправки иркутско-московского тракта 70 рабочих, она обходилась в 3150 руб. Всего же на ремонт дороги ежегодно требовалось 5851 человек с 11 702 лошадьми на сумму 263 295 руб.⁴ Тяжесть дорожной повинности усугублял способ отбывания ее натурой, отвлекающий коренное население от ведения хозяйства.

Местная пресса со своей стороны признавала не только тяжесть, но и бесполезность такого способа несения повинности с точки зрения улучшения качества исправляемых населением трактов. Она отмечала, что при инертности коренных жителей, неимении у них соответствующих знаний и отсутствии надлежащего контроля за их деятельностью дороги остаются в жалком состоянии⁵.

Кроме этого сибирская печать указывала на крайнюю неравномерность податного обложения «иностранцев», никак не связанную с уровнем их благосостояния. Местная пресса отмечала огромные колебания в стоимости подводной повинности как между волостями и «иностранческими» ведомствами одного округа, так и между округами. К примеру, в Балаганском округе Иркутской губернии размеры ее колебались от 54 коп. до 5 руб. 78 коп. В то же время Нижнеудинский округ в пределах губернии был более всех отягощен этим расходом⁶. Неравномерность распределения дорожной повинности усиливали распоряжения местных властей, носящие «исправничий характер». В частности, «Восточное обозрение» обращало внимание на попытку забайкальского областного присутствия уравнивать в 1860 г. эту тяготу, которая привела лишь к тому, что населению, расположенному вблизи трактов, были отведены участки в других пунктах, отстоящих от них на десятки верст. В результате, газета указывала, что, например, селенгинские и кударинские буряты в настоящее время выезжают «чуть ли не за 300 верст» править Кругобайкальский тракт, в то время как рядом живущие с ними селенгинские казаки практически не несут никакой дорожной повинности⁷.

Местная пресса отмечала неравномерность и наиболее характерного для «иностранцев» вида платежей – ясака. В частности, у ангарских тунгусов, по свидетельству того же «Восточного обозрения», размеры ясачной подати по родам колебались от 1 руб.

до 4 руб. 29 коп., если же проводить расчет на одну наличную душу, колебания эти достигали от 1 руб. 10 коп. до 31 руб. 46 коп.⁸ Таковую огромную разницу в податном обложении «иностранцев» газета объясняла породовым принципом раскладки ясака, не учитывающим изменения численности плательщиков внутри отдельных родов, произошедшие после ревизии 1858 г. В числе причин, усугублявших тяжесть податных платежей и повинностей коренного населения, сибирская печать отмечала также и злоупотребления «иностранческих» властей.

Обращая внимание на неудовлетворительность системы податного обложения народов Сибири, местная пресса указывала на необходимость ее скорейшего реформирования. С целью урегулирования податного дела она предлагала полностью освободить кочевых и бродячих «иностранцев» от уплаты ясака. Что касается податей и повинностей оседло живущих аборигенов, также как и в целом крестьян, то местная пресса признавала необходимым заменить подушный принцип их раскладки более справедливым и отвечающим платежеспособности населения. В этом отношении наиболее рациональным объектом обложения она считала землю.

Однако следует заметить, что предложения сибирской печати по урегулированию податного обложения «иностранцев» не носили характера четкой и ясной программы. К примеру, местная пресса не высказала своей позиции относительно мер, способных улучшить систему налогообложения кочевых и бродячих «иностранцев» (за исключением отмены ясака). Возможно, виной тому было отсутствие специальных статистико-экономических исследований, которые явились бы основой для соответствующих заключений. Между тем основным содержанием налоговой политики государства в отношении народов Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. стала подготовка и проведение у них податной реформы. В силу кабинетного способа выработки ее законопроекта таковой почти не подвергся обсуждению на страницах сибирской печати. Его разбору была посвящена одна статья, появившаяся в газете «Сибирь». Непосредственно сам ее автор приводил только «некоторые соображения» по данной проблеме, объясняя это тем, что в отличие от европейской России, где проект реформы был отдан на рассмотрение земских уездных и губернских собраний, в Сибири – «все канцелярская тайна»⁹.

Лишь после издания 19 января 1898 г. закона о введении в Сибири государственной оброчной и поземельной подати местная пресса высказала свое мнение. Она дала двоякую оценку этому законодательному акту. Признавая большую значимость главного принципа, заложенного в реформе, предусматривающего переложение подушной подати на землю, сибирская печать вместе с тем указывала на его безжизненность и неприменимость на практике ввиду отсутствия точных сведений о количестве, качестве и доходности земельных угодий¹⁰. В качестве доказательства она приводила пример европейской части России, где вследствие отсутствия указанных данных правительство «вынуждено было ограничиться лишь определениями общей по губернии суммы поземельной подати и при том в размере взимавшейся до того суммы душевой подати», предоставив ее распределение «между отдельными сельскими обществами...»¹¹. В 1910 г. сибирская печать уже с уверенностью писала о том, что замена подушной подати государственной оброчной податью в Сибири была произведена «простым переименованием одной в другую»¹².

Таким образом, сибирская печать негативно оценивала реализацию налоговой реформы как преобразования, не принесшего пользы в деле упорядочения податного обложения народов Сибири.

Однако еще более отрицательную оценку она давала мероприятиям в этой области, проводимым в районах, на которые действие закона 1898 г. не распространялось. В этой связи сибирская пресса обращала внимание на переложение в Якутской области с 1 января 1910 г. губернской земской повинности на землю на основаниях, предложенных местным губернатором И. И. Крафтом. Новая система обложения вызвала массовые протесты со стороны якутского населения, так как ввиду отсутствия точных данных о количестве земель, находящихся в фактическом пользовании «иностранцев», существенно расходилась с принципами закона 1898 г. Якутский губернатор объявил, что земля, состоящая в пользовании плательщика, будет определяться по числу его скота с расчетом $2\frac{3}{4}$ десятины земли на каждую голову крупной скотины (лошади, быка, коровы). Сибирская печать в ряде статей подвергла резкой критике действия местной администрации по фактическому переложению подушных сборов на скот, указывая, что они «обнаруживают полное непонимание строя якутской жизни» и ведут к ухудшению экономического положения «иностранцев»¹³.

Реализация податной реформы в Сибири также вызвала массовые протесты «инородческого» населения. Они проходили одновременно с выступлениями против осуществления аграрных и административных преобразований, так как с проведением землеустройства, переводом в разряд оседлых и введением волостного управления кочевые «инородцы» соответственно сразу облагались и крестьянскими окладами. Скорее всего, поэтому местная печать не выделяла отдельно протестов коренного населения, связанных именно с проведением податной реформы.

В свете всего изложенного следует также отметить, что налоговая политика самодержавия в отношении коренных народов во второй половине XIX – начале XX вв. не нашла полного отражения на страницах сибирской печати. Например, проведение податной реформы местная пресса оценивала с точки зрения интересов сибирского населения в целом и не выясняла ее значение отдельно для кочевых «инородцев». Также сибирские издания не отразили и противоречия ясачной политики в этот период.

Примечания

1. *Vita*. Податная платежеспособность колымских якутов // Сиб. жизнь. 1899. № 118. С. 3.
2. *Primus* Инородцы Верхоянского округа // Сиб. сборник. 1897. Вып. 1-2. С. 81-83.
3. Гоньбовая повинность // Вост. обозрение. 1891. № 51. С. 11.
4. Корреспонденция: Улей // Вост. обозрение. 1889. № 14. С. 6.
5. *Н. Ф.* Тяготы крестьян и инородцев Иркутского уезда // Вост. обозрение. 1903. № 238. С. 3.
6. Гоньбовая повинность // Вост. обозрение. 1891. № 51. С. 11.
7. *М-ов К.* Дорожная повинность // Вост. обозрение. 1885. № 34. С. 11.
8. *А-в В.* Ясак ангарских тунгусов // Вост. обозрение. 1900. № 71. С. 3.
9. *П. Н.* Податная реформа в Сибири // Сибирь. 1876. № 29. С. 1-2; № 30. С. 1-2; № 31. С. 1-2; № 32. С. 1-2.
10. Иркутск, 7 июня // Вост. обозрение. 1898. № 66. С. 1; К отмене подушной подати в Сибири // Сиб. жизнь. 1898. № 142. С. 2.
11. Податная реформа в Томской губернии и ее результаты // Сиб. жизнь. 1899. № 46. С. 1.
12. *Скалозубов Н.* О контингенте оброчной подати в четырех сибирских губерниях // Сиб. вопросы. 1910. № 1. С. 8.
13. *Р. Я. М.* По поводу двух «объявлений» якутского губернатора // Сиб. вопросы. 1910. № 50-52. С. 66.